

1298
 Роберт Бернс. В горах свое сердце
 Песни, баллады, эпиграммы в переводах
 С. Маршала - М., 1971

И (Англ.)
 Б 51

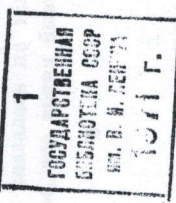
БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

В этом сборнике избран-
 ные стихотворений вели-
 кого шотландского поэта
 XVIII века Роберта Берн-
 са вошли лучшие и уже из-
 вестные советским чита-
 телям по прекрасным
 переводам С. Я. Маршала
 песни, баллады, лирические
 стихи, оды и эпиграммы.

Предисловие Ю. Болдырева

Гравюры на дереве В. ФАВОРСКОГО

Оформление Л. ЗУСМАНА

7 6-3

Ничим я родился, ничим и умру.
 Но льщу себя надеждой, что моя поэзия
 переживет мою бедность.

Роберт Бернс

Русского читателя в биографии шотландского поэта Роберта Бернса прежде всего останавливает и поражает то, что он, как и наш Пушкин, умер тридцатисемилетним, еще молодым, еще способным написать много новых прекрасных строк. Правда, умер Бернс не от пули — от болезни. Вчитываясь в его биографию, видишь, что это сходство в их судьбе — не единственное. Но в первую минуту именно оно да великодушные стихи поэта, издавна известные, вызывают вопрос: что за человек был Роберт Бернс? Какую жизнь прожил? Кто были его друзья? Что он любил и что презирал?

Поэт родился двести с лишним лет назад, 25 января 1759 года, в шотландской деревушке Аллоуэй. Тяжелый труд, неотступные заботы окружа- ли земляков Роберта с самого детства и сопровож- дали их до гробовой доски. В Шотландии, в стране,

где нормальный ход истории был насильственно смещен завошевателями-англичанами и их пособниками, где устоявшийся быт, уклад жизни был разворочен, многим жить было неуютно и не-радостно. Тысячи людей бродили по дорогам, нигде не оседая, кое-как зарабатывая на пропитание, но-чуя в пригородных трактирах или в открытом поле.

«Лучшее, что есть в Шотландии,— это дорога из Шотландии» — такая поговорка бытовала в стра-не во времена Бернса. Но, говоря и думая так, горцы бесконечно любили свою родину, за которую упорно и жестоко сражались, землю, в полном смысле слова политую их потом и кровью. Только голод, беспроектная нужда и притеснения могли вытолкнуть шотландца из родных просторов — за океан, в далекую Америку, или добровольцем в ар-мию, за службу в которой платили.

Отец поэта — Вильям Бернс не стал бродягой и не покинул Шотландию. Упрямый труженик, он сумел сколотить кое-какую деньги, арендовал фер-му, построил прочный дом и стал земленашество-вать. Он был не совсем обычный фермер: умел чи-тать и писать, серьезно думал о том, как воспитать детей.

Роберт рано стал помогать родителям в поле-вых работах. Здесь сказались не только нехватка рабочих рук в семье, все время бывшей на грани

нищеты. Отец справедливо полагал, что любовь к труду, умение работать выкуют в его сыне с дет-ства нравственную закалку, которой не создашь никакими внушениями и проповедями.

«Косить, пахать и бороться

Я научился с детства.

И это все, что мой отец

Оставил мне в наследство», —

писал позднее Бернс, но ошибался. Еще отец оста-вил ему любовь к книгам, которые в других фермер-ских семьях редко встречались, а вот у Бернсов во-дились и занимали почетное место среди другого имущества.

Отцом Бернс был приучен к чтению, а первым своим учителем Джоном Мэрдоком — к чтению умелому и внимательному. Хорошая книга — все равно что земля: чем глубже ее вспашешь, тем больший дар принесет она труженику. Впоследст-вии современники поэта удивлялись тому, сколько знает и как необычно и интересно рассуждает о многих важных предметах этот крестьянский па-рень. Страсть к чтению Бернс сохранил до конца своей жизни и в одном из последних стихотворе-ний писал:

«Да здравствует право читать,

Да здравствует право писать.

Правдивой страницы
Лишь тот и боняся,
Кто вынужден правду скрывать».

Ни в детстве, ни в юности Бернс не помышлял о том, чтобы стать поэтом, и, однако, все время бес-совестно готовился быть им: читал книги, зорко смотрел вокруг себя и учился всему, чему мог научиться у наставников, у друзей, у природы. И однажды стихи пришли как бы сами. Но еще долгое время после того, как он пишет всё новые и новые стихотворные строки, а его песни, баллады напевают парни и девушки всей округи, Бернс не решается сказать о себе, что он поэт, что поэзия — его призвание. Чтобы он окончательно осознал это, понадобились две знаменательные встречи.

Первая — с ровесником двадцатитрехлетнего Бернса, молодым моряком Ричардом Брауном, много пережившим и повидавшим. «Мой новый друг был человеком независимого, гордого ума и великодушного сердца... Жизнь он знал много лучше меня, и я сделался его внимательным учеником». И вот ему-то Бернс однажды решается прочесть несколько своих стихов. Наверное, это было очень страшно для Бернса. Какова же была его радость, когда Браун удивился, почему он до сих пор не посылал стихи в журнал. Этот случай показал Бернсу,

что его стихи могут быть интересны разным людям, а не только деревенским собратам.

Вторая встреча — с книгой человека, которого Бернс, к сожалению, уже не мог повидать. Это был сборник стихов талантливого шотландского поэта Роберта Фергюссона, умершего за несколько лет до того в нищете и болезнях. Бернс читает, перечитывает страницу за страницей и видит, как его старший товарищ в поэзии не стесняется ни шотландской речи (до него все шотландские поэты писали на английском языке, и Бернс собирался идти по тому же пути), ни ритмов народной песни, ни простецких выражений, взятых из разговорного, не книжного словаря.

После этих встреч Бернс начал осознавать свое призвание и пути, которыми ему следует идти в поэзии, — они помогли ему разобратся в своих желаниях и способностях, понять, как ему жить и что делать.

Следующие пять лет в жизни Бернса, 1782—1786, очень важные годы: и по череде грустных и радостных событий, и по той большой внутренней работе, которая происходит в нем. Семья втянута в хозяйном фермы в тягостный, несправедливый и грозный полным разорением судебный процесс. Умирает измученный отец. Роберт с братом переезжают на новую ферму — Мосгилл, теперь на

их плечи целиком ложится ответственность за семью, забота об урожае.

Но Бернс не один. Он не умел и не любил быть одиноким. Бокруг него — большая и веселая компания, состоящая из людей образованных, умных, понимающих и любящих Роберта и его стихи. Так будет всегда. С каждым годом круг друзей Бернса растет, святому чувству дружбы поэт посвятит много жество стихов, и его любимым тостом навсегда останется: «Пусть товарищи нашей юности пребудут друзьями нашей старости!»

В это же время Бернс встречает милую девушку Джин Армор, дочь богатого подрядчика. Их любви доведется пережить много испытаний: ненависть к Роберту ее родителей, долгую и тяжелую разлуку, бедность, мелкие повседневные заботы, — и ничто не сломит ее, не уничтожит.

И еще все время с ним его поэзия, его мысли, его слово, его любимейший и нескончаемый труд, «работа чтения и труд писания», по выражению нынешнего поэта. Бернс уже ясно видит, что даже его любимые поэты — Грей, Томсон, Фергюссон — не сказали о его народе того, что знает он, Роберт. Они видели крестьян и крестьянский труд извне, он же знаком со всем этим не понаслышке, а изнутри. Бернс — внук и сын земледельцев, сам фермер, радости и горести земляков для него свои, он может

и должен высказать за них все, что они знают о жизни и понимают в ней.

Бернс понял и записал однажды, что поэзия, кроме всех прочих задач, выпавших на ее долю, имеет еще одну, едва ли не главную, — она «открывает новые миры». Но для того чтобы сказать новое слово, нужно прочесть много старых: невежда ничего не прояснит и не откроет людям — только все запутает. «Человеку мыслящему», — писал Бернс в одном из писем, — надо самому додуматься до истины, особенно в тех вопросах, которые для всех людей одинаково значительны и одинаково непонятны и темны». А ведь Бернс не прошел ни одного курса из тех, что проходили ученые друзья. И поэт много и упорно читает, добывая необходимые знания в истории, литературе, эстетике, философии, политике, напоминаая самому себе: «Тот, кто делает все, что может, когда-нибудь сделает еще больше».

Когда в 1786 году Бернс выпустил свой первый сборник стихов, Шотландия ахнула, увидев в молодом пахаре большого поэта и зрелого человека. Вскоре столица Шотландии Эдинбург приняла поэта. Аристократические салоны, гостиные промышленников и купцов, кабинеты ученых открылись перед ним. Их хозяева были готовы обласкать и поощрить простого фермера, пишущего приятные

стихи, барда-самоучку. Но личность Бернса, так же как его книга, произвела неожиданное впечатление. Встречавшийся с ним в эти годы Вальтер Скотт позднее писал: «Его речь была свободной и уверенной, но без малейшей самонадеянности. В обществе учнейших мужей своего времени и своего века он выражал свои мысли точно и определено и вместе с тем безо всякой назойливости и самоуверенности, а расходясь с кем-либо во мнениях, он, не колеблясь, защищал свои убеждения твердо, но притом сдержанно и скромно». Не пыльность салонов и гостиных покорила фермера Бернса — поэт и человек Бернса покорил их надменных хозяев.

Внезапную славу Бернса встретил во всеоружии. Среди великоления светских приемов, литературных и ученых разговоров, выступившая похвала, пересыпанные советами, как и что ему писать дальше, он твердо помнил свое предназначение, свои принципы, хранил верность раз избранному пути. «Я долго изучал себя, вижу, чем я был недавно и чем бы мне надо стать, и вполне знаю себе цену как человеку и как поэту». Дороже всего были для него доходившие слухи о том, как складываются по грошу ремесленники и крестьяне, чтобы купить один экземпляр его книги на артель, на деревню, письма от бедных соотечественников с просьбой

прислать если не книгу, то хоть два-три стихотворения, переписанные его рукой.

Честность и правдивость, внимание и любовь к людям были той опорой, на которой крепко стоял Бернс. «Мне кажется, что, если бы я мог, я осушил бы все слезы на всех глазах», — писал он. Настоящий поэт не может чувствовать и мечтать иначе, ради этой цели он и ратует за свободу. И Бернс в этом отношении ничуть не отличается от Пушкина, Байрона, Гейне, Гюго, Некрасова, Мицкевича, Пегефи. В борьбе между миром богатых и миром бедных, между кланом негодяев и честными людьми, ведущей и оружием и пером, Бернс мог встать лишь на одну сторону. «Будь мир устроен по-моему, в нем не было бы ни одного подлеца», — писал он.

Находясь в Эдинбурге, посещая дома и замки высокопоставленных вельмож и богатых промышленников и купцов, Бернс мог сравнить и сравнил не только образ жизни богача и бедняка, аристократа и крестьянина, но и содержимое их душ и сердец. И окончательно убедился в том, о чем писал и раньше и потом:

«О ты, кто счастлив и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют

У баловни удачи,—

Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!»

Он никогда не выставлял напоказ свою бедность, но и не стыдился ее («Кто честной бедности своей стыдится и все прочее, тот самый жалкий из людей, трусливый раб и прочее»). Как всякому человеку, ему хотелось обеспеченного существования, чтобы не зависеть от владельца арендуемой земли. Он хотел поступить на какую-либо государственную службу, получать жалованье, сводить концы с концами. Его друзья хлопотали об этом, но те, от кого это зависело, восхищаясь стихами Бернса, по-мочь не спешили. До его сведения довели, что для государственной службы нужен диплом о соответствующем образовании. Роберт Бернс был достаточно образован для того, чтобы быть лучшим поэтом Шотландии, но недостаточно образован для чиновничьей должности. Лишь позднее ему разрешат занять место чиновника по сбору налогов — акцизного.

Унижаться, молить Бернс не хотел. «Как бы я ни был беден, у меня есть мое независимое состояние — мой плуг». Гордость и стремление к независимости не были только личными качествами поэта. Он сознавал, что представляет перед вельможным и ученым миром Великобритании ту кре-

стьянскую Шотландию, что пахала, сеяла, жала хлеб, кормила, обувала и одевала страну. Когда в стихах и письмах он писал о личном достоинстве, что было заложено в нем с детства, он писал и о достоинстве своего гордого и свободолюбивого народа. И народ распекал его строки, ощущая их своими:

«Король лакея своего

Назначит генералом,

Но он не может никого

Назначить честным малым».

Летом 1788 года Бернс уехал из столицы на только что арендованную около приморского города Дамфрис ферму Эллисленд. Уехал «к старому своему знакомцу — к плугу», к дому, который нужно было построить для себя, для Джин, ставшей наконец его женой, для детей. Днем он таскал камни для дома, осматривал свои новые земли, размечал, где что будет помещаться, а вечером строчил стихи и письма старым и новым друзьям. Иногда он ездил в город, чтобы заглянуть в театр, в книжную лавку, потолковать с обретенными и здесь друзьями о поэзии, о жизни, о политике.

О политике в эти годы говорили на каждом перекрестке. 14 июня 1789 года во Франции народ восстал и положил конец самодержавной власти короля. Казалось, над миром стал разливаться долго-

жданый свет свободы. Берне радовался и надеялся вместе с шотландцами, ожидавшими свободы и для своей родины.

Надежды эти не сбылись. Правительство Георга III и Вильяма Питта вступило с революционной Францией в непримиримую борьбу. Общественная атмосфера в стране год от году становилась все более отвратительной и несносной. Власти преследовали всех, кто сочувствовал французскому Конвенту, кто ратовал за демократическое правление в Англии, за всеобщее избирательное право, за самоуправление Шотландии.

В декабре 1792 года, когда Бернс уже распорядился с эллисендской фермой, приносившей большие убытки, окончательно перебрался в Дамфрис и семья целиком зависела от жалованья, получаемого им в акцизе, на него был подан донос. Поэт обвинялся в том, что принадлежит к партии сторонников Франции. Ему грозило увольнение со службы, возможность оказаться без гроша с голодной семьей на руках, может быть даже суд и тюрьма.

Начальник Бернса — В. Корбет хорошо относился к поэту, любил его стихи и потому ограничился служебным разнесом, не дав делу дальнейшего хода. Но для гордого поэта этот разнос, слова Корбета о том, что ему, Бернсу, следует служить, а не думать,

были унижительны. Только мысль о Джин, о детях заставила его смолчать.

Это подкосило Бернса. Словно усталость всей жизни вдруг свалилась на него, словно его организм вдруг предъявил счет за все трудности и лишения, перенесенные в детстве, в юности, в зрелые годы. Он стал часто болеть, раз от разу все сильнее. Бернс старался не сдаваться, много работал, но что-то надломилось в нем с тех пор, как появилась необходимость следить за тем, где, с кем и что торговать, кому и что продавать, постоянно одергивать себя, свой язык, свои мысли. А в стране шли аресты, и на всю Шотландию прогремел процесс организации «Друзья народа», требовавшей реформ: подсудимые были приговорены к многолетней каторге.

Весной 1796 года болезнь окончательно свалила Бернса. Не помогло и предпринятое в июле лечение на морском курорте Брау-Веллз.

Не за горами была осень. Бернс, любивший эту яркую и богатую пору, писал: «Осень — плодотворнейшее время для меня. Я пишу больше стихов, чем во все другие времена года». Но приходилось умирать. Не только его тридцатисемилетнее тело отказывалось служить, сердце тоже устало жить в мире, где за небольшое благополучие нужно было платить либо ложью, либо лицемерным молча-

нием. О мире его мечты, в котором не было бы ни одного подлнца, можно было только грезить.

Роберт Бернс умер 21 июля 1796 года, на третий день после возвращения домой. Спусти много лет его вдове была назначена королевская пенсия. Джин отказалась от денег человека, чьи слуги укоротили жизнь ее мужа.

В молодости остаются в памяти лишь те стихи, автор которых сумел сказать за тебя то, что думаешь и чувствуешь ты сам. В книгах Роберта Бернса много таких стихов. Знакомство с его поэзией может одарить человека минутами радости и восторга, воспоминание о которых навсегда останется в сердце. Люди, способные любить и мечтать, как он, вечно остаются в памяти человечества.

Ю. Болдырев

